

Транснационализация культурного пространства: государство и проблемы координации коммуникативных стратегий¹

Изменения, происходящие в культурах под воздействием внешних и внутренних причин, связаны так или иначе с процессами глобализации и имеют разнообразные источники. Их результаты более или менее отчетливо проявляются в культурах разных стран. Фиксация изменений, которые могут выступать лишь частным случаем, а могут и служить началом для формирования самостоятельных трендов, – весьма сложный системно-аналитический процесс.

Между политическими лозунгами, отражающими интересы определенных групп («глобалистов», «антиглобалистов»), и реально происходящими культурными изменениями – «дистанция огромного размера». Прежде всего потому, что современные глобализационные процессы в культуре выступают как сложные нелинейные процессы и все попытки оценить глобализацию в категориях «либо – либо» отражают определенную методологическую и идеологическую позицию как беспристрастных ученых, так и «независимых» журналистов, освещающих эти проблемы.

Интерпретация глобализации как некая «расшифровка» глубинных и поверхностных смыслов культурных изменений происходит при активном включении внутреннего, личностного смыслового контекста исследователя. В ряде публикаций последних лет нетрудно выявить разделяемые многими авторами идеи о нелинейности протекания процесса глобализации, о взаимодополнительности тенденций глобализации и локализации, о повышении самоорганизационного потенциала культуры в условиях активизации экономической и геополитической интеграции, позволяющего поддерживать культурное разнообразие в мире. Более того, если всего пять-десять лет назад в работах отечественных авторов преобладало отрицательное отношение к «уплотнению социальных и культурных связей», достаточно активно обсуждались последствия «глобализации по-американски», то сегодня наступило время объективной оценки происходящего. В конце концов, нужно попытаться на теоретическом уровне осмыслить происходящие процессы, разобраться в сложных тенденциях, пронизывающих мировое культурное

---

¹ Текст выступления на Международной конференции «Человек, культура и общество в контексте глобализации» (25–27 ноября 2005 г., Москва).

пространство. К таковым относится и явление *транснационализации культуры*, ставшее проблемой «со множеством неизвестных». Большинство аспектов этой проблемы в большой степени связаны с принципами координации коммуникативных потоков. Саму транснационализацию культуры можно рассматривать как:

- процесс *насыщения пространства национальных культур новым ценностно-смысловым содержанием*, отвечающим интеграционным тенденциям современного мира, которые направлены не только на качественные социально-экономические и геополитические изменения;
- формирование нового типа *транснациональной культуры* как культурного пласта, постепенно охватывающего все больший сегмент в национальных культурах и трансформирующего их целостность; его характерными чертами являются унифицированность, коммерциализированность, мобильность;
- форму *расширения информационно-коммуникативного пространства* каждой культуры за счет создания медиа-пространств и виртуализации культурной среды, включающих разные виды аудиовизуальной коммуникации вплоть до интерактивного взаимодействия;
- процесс *усиления международного обмена культурными товарами и услугами, закрепление новых форм организации культурной жизни*, самостоятельное включение в процессы взаимодействия (без посредничества государственно-административных структур) не только национальных культур, но и культур регионов и сообществ, учреждений и отдельных граждан, активизирующее международную культурную жизнь;
- расширение *масштабов деятельности создаваемых транснациональных систем образования и науки*, меняющих устоявшиеся формы социализации и профессионализации;
- процесс образования *нового уровня личностной культуры*, который обеспечивает психологическую адаптивность человека к культурным изменениям, способствует социальной мобильности, выступает базовой характеристикой *новых типов идентичности* в глобализирующемся мире.

ВРЕЗКА 1 Таким образом, транснационализация является одной из базовых характеристик глобализации культуры как процесса интеграции отдельных национальных культур в единую мировую культуру на основе развития транспортных средств, экономических связей, информационной техники и коммуникационных технологий. Влияя на традиционный стиль жизни, тип

мышления, процесс глобализации ведет к возникновению новых форм культуры и образов жизни, стирающих границы между «своим» и «чужим». КОНЕЦ ВРЕЗКИ

Сравнительно недавно транснационализация рассматривалась исключительно как феномен современного мирового хозяйства и связывалась с теми тенденциями интернационализации хозяйственной жизни, производства и техники, которые объединяют в крупные международные образования элементы производственно-коммерческих структур разных стран и способствуют созданию совместных и транснациональных компаний. В настоящее время она становится *культурно-цивилизационным* феноменом, охватывающим сферы науки, образования, культуры, искусства. Очевидно, что современное геоэкономическое пространство испытывает на себе мощное воздействие *неэкономических* факторов, в силу чего выдвигаются предположения, что не за горами то время, когда привычными станут такие «гибридные», к примеру, явления, как «этноэкономическая транснационализация».

Здесь принципиально важно одно уточнение: транснационализация культуры не рассматривается как пространственно-временной процесс, следствием которого будет формирование единой мировой культуры и полное исчезновение всех национальных культур. К подобным крайностям противников глобализации исследователи все чаще относятся со здоровым скептицизмом, ибо в культуре возможности всегда усиливают риски, а изменения гораздо сложнее и менее предсказуемы по сравнению с любой другой сферой человеческой деятельности.

Внутренние ценностно-смысловые трансформации в культурах, происшедшие за три последних десятилетия, а также внешние перемены, связанные с изменением процессов взаимодействия культур, расширением возможностей их пространственных перемещений, с возникновением новых культурных форм, делают очевидными качественные изменения принципов создания, фиксации, распространения культуры и культурного опыта. Очевидным является и то, что процесс транснационализации культуры сопровождается развитием инфраструктуры и расширением институтов коммуникации, обеспечивающих динамику и плотность культурных потоков в современном мире.

Это позволяет не только говорить о самоорганизации информационно-коммуникативного пространства, но и по-новому оценить значение культурной и информационной политики, которую проводят правительства устоявшихся либерально-демократических национальных государств [1, с. 435]. С этим утверждением авторов трудно не согласиться.

Транснационализация – процесс сложный и противоречивый. Он может, с одной стороны, рассматриваться как возможность создания человечеством новой цивилизационной общности, когда свободное перемещение людей по планете, миграция не только рабочей силы, но и носителей «культурных ценностей» будет способствовать пониманию взаимосвязи и взаимозависимости мира, единства человечества. С другой стороны, полный отказ национальных государств от протекционистских мер, от защиты своих культурных традиций и культурных ценностей может стать тем путем, который приведет в обозримом будущем к обострению этнокультурных, межконфессиональных конфликтов. ВРЕКА 2

Возникающие в процессе транснационализации «глокальные культуры» часто уже никак не привязаны к конкретному месту и времени. Они существуют вне определенного контекста и представляют собой смесь фрагментарных, несовместимых компонентов, заимствованных «отовсюду и ниоткуда». КОНЕЦ ВРЕЗКИ

Основные противоречия транснационализации культуры концентрируются вокруг проблем *культурного заимствования*, связанных с освоением новых образов, символов, норм и правил поведения, новых форм деятельности, которые существенным образом меняют стиль и образ жизни людей, формируют новый тип мышления и восприятия мира. Причем, как показывает практика, в любых обществах (за исключением, пожалуй, тех, где установлен жесткий тоталитарный режим) имеются индивиды и даже определенные социальные группы, всегда принимающие инновационный пласт культуры как свой (в том числе и в случае его полной несовместимости с традиционными основами базовой культуры). Это, однако, не исключает следования устоявшимся смысловым концептам, нормам и ценностям, ранее сложившимся в обществе, что и обеспечивает на других коммуникационных уровнях привычный образ жизни, поддерживая самобытность национальной культуры.

Культурные заимствования, как наиболее распространенный источник изменений, имеют два основных коммуникационных «коридора»:

- *прямой*, когда взаимодействие осуществляется через систему непосредственных межкультурных контактов на уровне государств, социальных групп и индивидов, что предполагает прежде всего определенную степень социокультурной открытости (до недавнего времени для многих культур, в том числе и для отечественной культуры, «продвижение» по нему было в большей степени нормированным, регламентировалось жесткими правовыми актами);

- *косвенный*, когда посредником коммуникативного взаимодействия выступают системы средств массовой коммуникации, потребляемые товары, образовательные учреждения и т. д. Формы влияния и принципы взаимодействия в данном случае подчиняются разной логике, допускающей нелинейное взаимодействие различных коммуникационных систем. При этом каждая из них, согласно идеям Н. Лумана, функционирует аутопойетически (созидая и описывая самое себя) в рекурсивной сети коммуникаций [2, с. 34].

Самореферентность и аутопойезис коммуникационных систем являются механизмами, обеспечивающими необратимость развития культурных систем, новые способы их существования и сохранения. Независимо от того, каким путем обеспечивается коммуникация (история изобилует разными примерами), процессы заимствования (если они не были результатом насильственных контактов) предполагают достижение *эффекта «резонансности»* в культурах, а иногда имеют даже явную или скрытую выгоду – создают преимущества перед другими народами либо отвечают внутренним потребностям данного этноса на определенном этапе развития. Из каждой коммуникативной ситуации люди выходят с запасом культурного капитала, социальной памяти и эмоциональной энергии, которые в случае угасания требуют новой подпитки, предполагающей контакты с другими культурами.

Глобализация трансформирует характер, степень и эффективность культурных заимствований, определяющихся интенсивностью и условиями межкультурных контактов, степенью дифференциации общества и восприимчивостью его членов к чужой культуре. ВРЕЗКА 3 Соответственно, транснационализация является результатом процесса взаимодействия культур, который расширяет пространство культуры, но при чрезмерности культурных влияний и интенсивности коммуникативных потоков может привести к утрате культурной самобытности.

КОНЕЦ ВРЕЗКИ

Любые виды коммуникаций предполагают определенные цели, а вступающие в процессы взаимодействия культуры (явно или неявно) основываются на определенных стратегиях. Конфликтное начало, отчетливо проступающее в процессах транснационализации культуры, в современном информационном обществе не может быть снято полностью, а может быть лишь частично нивелировано, так как регуляция социокультурного развития на глобальном уровне, как одна из форм косвенного («мягкого», «гибкого») управления, не имеет системы, обеспечивающей определенные властные функции. Действия всех наднациональных

структур могут носить только рекомендательный характер. Тем не менее, в ситуации возрастания общепланетарных рисков, к которым относится и угроза *снижения культурного разнообразия*, требуется признание эффективности деятельности *институтов координации*, степень воздействия которых не выходила бы за пределы установленной обществом компетенции. Однако определить, насколько расширение глобальных инфраструктур коммуникации, осознание общности интересов раскрывает перспективы формирования «глобального гражданского общества» или «глобального управления» [3, с. 130–159], достаточно сложно. Означает ли это, что увеличивающиеся информационно-коммуникативные потоки неуправляемы в глобализирующемся пространстве культуры? Ответить на этот вопрос достаточно сложно. Способны ли национальные государства влиять на процесс транснационализации их культурного пространства или же их регулятивные возможности ограничены?

Мнения на этот счет кардинально расходятся, так как анализируя функции национального государства, некоторые исследователи говорят об их перераспределении на надгосударственный (цивилизационный или международный) уровень и на региональные и локальные уровни. И если часть функций все-таки сохраняется за государством, то другая делегируется неформальным, негосударственным гражданским институтам. В то же время – обратим на это особое внимание – в глобальном культурном пространстве национальные правительства остаются мощными действующими институтами, хотя и не всегда способными в полном объеме контролировать все происходящие процессы. С другой стороны воздействие как международных властных институтов и структур глобального уровня, так и систем местного управления на национальные государства в ряде случаев приводит к снижению уровня их самостоятельности (суверенитета). Особенно это касается тех стран, которые не имеют возможности проводить самостоятельную культурную политику.

Самыми мощными инструментами воздействия на человека и вторжения в его жизнь становятся информационные потоки. Поэтому государства не только не отказываются от контроля над знаниями и средствами коммуникации в глобализирующемся мире, но, напротив, ставят сообщества перед необходимостью решать проблемы образования, информационных технологий (в том числе и технологий СМИ) и свободы высказываний [4, с. 40, 447]. Насколько это реально в информационном обществе, когда собственные решения этих проблем предлагают и другие субъекты, активно включающиеся в процессы координации

коммуникативных потоков? Среди них такие «игроки», как транснациональные сетевые корпорации, разрабатывающие информационно-коммуникативные технологии и развивающие принадлежащие им глобальные информационно-телекоммуникационные системы, фактически контролирующие все циркулирующие по ним потоки, причем, даже информационные потоки не принадлежащей им информации.

ВРЕЗКА 4 В условиях культурной глобализации особую роль «властителей душ» возьмут на себя частные компании, производящие товары и услуги (в том числе и информационные) и уже сегодня обладающие признаками суверенных государств. **КОНЕЦ ВРЕЗКИ** При этом развитие как государств традиционного типа, так и экстерриториальных сверхкорпораций какое-то время будет протекать без силовых конфликтов между ними [5, с. 503]. Однако вряд ли этого удастся избежать, если «усилители с обратной связью» будут так же агрессивно повышать степень глобального единообразия [6, с. 37].

Статус «виртуальных социальных сообществ», которые складываются в виртуальном пространстве, превращая его в «квазисоциум», еще более повысится. Их роль в процессе транснационализации культурного пространства, несомненно, будет расти: глобализация «подталкивает» разные культурные традиции к наращиванию присутствия в виртуальном пространстве, т. е. к расширению собственного пространства символов и смыслов через сеть по всему миру. Уже сегодня в борьбе за пользователя обостряется конкуренция виртуальных сообществ, за которыми зачастую скрываются вполне определенные группы, проводящие самые разные интересы. Одновременно расширяется спектр предложений и возможности выбора. И это имеет место повсеместно. В конкуренцию за киберпространство включаются такие мощные субъекты, как государство, ибо это позволяет ему стать более открытым и способствует росту демократии. В настоящее время можно говорить о позитивном опыте стратегий «электронных правительств» в Сингапуре и США, Австралии и Финляндии, а также многих других странах мира [7].

Развитие информационно-коммуникативных систем в значительной степени трансформирует образование и науку, однако непрерывное и «онлайновое» образование не всегда согласуется с национальными традициями и целями, а результаты социализации не всегда отвечают менталитету и общественным ожиданиям.

Государства оказываются не в состоянии регулировать процесс производства и приема символических форм так как, например, индустрия развлечений (в ней

широко представлены кинематограф, музыка, телевидение), во многом ориентированная на определенные ценностно-смысловые маркеры потребительства, вовлекает в свою сферу огромные массы людей. Кроме того, даже напрямую не затрагивая сферу политики и идеологии, проявляясь через распространение образцов игровых шоу (как метафор социального порядка), «мыльных опер» (как моделей семейных отношений и социокультурного опыта), массовой культуры (как основных форм досуга), транснационализация по существу поддерживает и воспроизводит определенные дискурсы (либеральные, консервативные, оппозиционные). При этом именно культурные представления транскодируют главные политические дискурсы и перспективы [8].

Расширение влияния на аудиторию стимулирует конкуренцию за Интернет-пространство и медиа-пространство (СМК). В этой ситуации у культуры и телевидения появляются не только права, но и ответственность за «медиаверсию» реальности. Возрастают и обязанности государства перед обществом за развитие и поддержку коммуникаций, выполняющих интеграционную функцию. Точка зрения, в соответствии с которой согласование взаимных прав и обязанностей национальных правительств и СМК может произойти только на принципах ответственности, представляется убедительной. Залогом успешности этого процесса является поиск компромиссных решений, формирование соответствующего дискурса в целях сохранения своей идентичности в глобализирующемся мире [9, с. 261– 272].

Разумеется, развитие информационных и коммуникационных технологий не только вызывает значительные изменения в процессах социальной коммуникации, но и трансформирует социальные институты. Поэтому, по мнению У. Бека, «культурная глобализация перечеркивает отождествление национального государства с национально-государственным обществом, производя и сталкивая друг с другом транскультурные формы коммуникации и жизни, представления об ответственности и этнической принадлежности, о том, какими видят себя и других отдельные группы и индивиды» [10, с. 89]. Это позволяет исследователям говорить о разрушении идентичности; рассматривать идентичности как «перекрывающиеся» в глобальных, региональных, национальных и локальных аспектах.

Изменения контуров государственного устройства происходят в том числе и в связи с активизацией миграционных потоков. По наблюдениям С. Бенхабиб, в некоторых государствах в качестве проекта, альтернативного проводимой длительное время политике создания культурных анклавов, проявляются процессы *рефлексивного реструктурирования коллективных идентичностей*. Они «открывают

возможность для демократического несогласия, спора, возражения и могут составить сердцевину тех практик, с помощью которых культуры усваиваются» [11, с. 84]. И в этом смысле либо медиапространство культуры становится демократическим полем для проведения политики «комплексного культурного диалога», предполагающего свободное публичное обсуждение права на собственную идентичность, либо выстраивается жесткая групповая идентичность, когда ради укрепления групповой солидарности преодолеваются культурные, этнические и расовые различия [11, с. 89–91].

Итак, в мире утверждается новая реальность: виртуальное пространство выступает в качестве одного из самых действенных средств создания смыслов и идентичностей, а культура – в качестве источника власти, считает М. Кастельс. Она лежит в основе новой социальной иерархии информационной эпохи, так как возможность «предписывать поведение» содержится в сетях информационного обмена, и действия социальных акторов, институтов и культурных движений соотносятся через манипуляцию символами [12, с. 502–503]. Но о какой культуре открытого виртуального пространства идет речь? Вероятно, не столько о какой-либо одной из национальных культур, сколько о глобальной культуре и ее основных типах (массовая, транснациональная культура). Именно глобальная культура бросает вызов мировой экономике и политике, ибо социальными процессами в современном мире может управлять только тот, кто управляет коммуникацией и ее содержательным наполнением.

Таким образом, рассматривая последствия транснационализации культуры, необходимо вновь обратиться к таким механизмам управления, как *информационная* и *культурная политика*. Если та и другая проводятся национальным государством, то, как правило, не только опираются на собственные культурные традиции, но и связаны с ценностями и проблемами современного мира. В противном случае, если государство не работает на достижение соразмерности культурных практик новым медийным феноменам [12, с. 506–507], то перспективы успешного функционирования страны на современном этапе глобализации значительно сужаются. Ведь «мировое пространство – не меганациональное сообщество, собирающее в себя и ликвидирующее все национальные общества, а отмеченный многообразием и не поддающийся интеграции мировой горизонт, который открывается тогда, когда он создается и сохраняется в коммуникации и действии» [10, с. 89].

У национального государства достаточно возможностей для поиска стратегий, адекватных современной ситуации. Однако оно всегда стоит перед дилеммой: не будучи заинтересовано в снижении конкуренции в виртуальном пространстве, государство обязано предотвращать монополизацию, урезая в том числе и собственные права за счет повышения ответственности. При этом устанавливаемые им «правила игры» не могут не согласовываться с обществом, так как следование им дает возможность заложить в коммуникационном поле поддерживаемые государством символы и образы, позволяющие влиять на процессы духовной консолидации страны. Поэтому понимание транснационализации культурного пространства как процесса, идентичного по своим характеристикам процессам унификации культурно-исторических форм, когда на основе некоей базовой модели осуществляется «навязывание» культурно-цивилизационной модели, ведущей не только к уменьшению многообразия культур, но и к снижению потенциала собственной культуры, свидетельствует о недооценке ее сложности. Кроме того (и это представляется важным), транснационализация культурного пространства не может быть приостановлена посредством «запретительных мер», политики «культурной изоляции». В современном мире любое социальное или культурное событие, происходящее в одном из государств, имеет международные последствия.

ВРЕЗКА 5 Транснационализация культуры не исключает существования плюралистического, свободно развивающегося культурного пространства (хотя и испытывающего на себе давление рынка). В этом смысле она отличается от массовой культуры, для которой коммерциализация и унификация являются основными характеристиками. Если массовая культура зачастую «блокирует» механизмы самоорганизации национальной культуры, то транснациональная культура предполагает ослабление управленческого воздействия со стороны государственной власти КОНЕЦ ВРЕЗКИ ².

Опираясь на признание Ю. Хабермасом коммуникативными таких интеракций, в которых «их участники согласовывают и координируют планы своих действий; при этом достигнутое в том или ином случае согласие измеряется intersубъективным признанием притязаний на значимость», «на истинность, на правильность и на правдивость» [14, с. 91], можно предложить рассматривать в качестве базовых принципов взаимодействия *когерентность* (согласование поведения субъектов во времени и пространстве относительно основных целей и

---

² Напомним о транснационализации организационной культуры: универсальные методы менеджмента транснациональных компаний требуют адаптации для их использования в конкретных государствах с учетом особенностей национальной культуры. См.: [13].

направленности их действий) и *транспарентность* («прозрачность» и открытость действий, возможность осуществления общественного контроля над действиями власти). Эти принципы должны быть положены в основу современной культурной и информационной политики национальных государств в условиях глобализации, когда актуальной становится координация информационных и коммуникационных потоков и, соответственно, согласование планов действий.

Координация – это открытый, нацеленный на коммуникацию и диалог сверхсложный процесс инициирования самоорганизационных креативных потенциалов системы. Он ориентирован на формирование общих ценностно-смысловых оснований, которые должны лежать в фундаменте коммуникативных процессов всех уровней. Координация сродни процессам «возбуждения среды» с целью достижения общего понимания ситуации и перспектив. Опора на принципы когерентности и транспарентности позволяет регулировать информационные потоки, тем самым повышая уровень взаимопонимания и межкультурной компетентности как способности членов некой культурной общности «добиваться понимания в процессе взаимодействия с представителями другой культуры с использованием компенсаторных стратегий для предотвращения конфликтов «своего» и «чужого» и создавать в ходе взаимодействия новую межкультурную коммуникативную общность» [15, с.280]. Инструментами координации являются не только культурная и информационная политика государства, но и институты гражданского общества, международные организации гуманистической направленности. Исходя из этого, координация предполагает опору на принципы, созвучные принципу транспарентности – открытость, толерантность и диалог, межкультурную компетенцию и коммуникативную рациональность.

Координация направлена не на устранение альтернативных проектов, а на поддержание идей культурного плюрализма и демократических ценностей, на сохранение национально-культурных различий в контексте глобализации. Такой подход представляется важным и для современной России, для сохранения и развития отечественной государственности, формирования пространства культурно-идеологического взаимодействия, в котором происходил бы процесс ценностно-культурного самоопределения страны в условиях глобализации.

Список литературы

1. Хэлд Д., Гольдблат Д., Макгрю Э., Перратон Дж. Глобальные трансформации: политика, экономика, культура.– М., 2004..

2. *Луман Н.* Понятие общества // Проблемы теоретической социологии. – СПб., 1994. .
3. *Keohane R.O.* Global Governance and Democratic Accountability // Taming globalization: frontiers of governance / Ed. by D.Held, M. Koenig-Archibugi. – Cambridge, 2003.
4. *Тоффлер Э.* Метаморфозы власти. – М., 2003.
5. *Манойло А.В., Петренко А.И., Фролов Д.Б.* Государственная информационная политика в условиях информационно-психологической войны. – М., 2003.
6. *Мартин Г.-П., Шуман Х.* Западная глобализация: атака на процветание и демократию. – М., 2001. .
7. *Холмс Д.* eGov: стратегии электронного бизнеса для государства. М., 2004.
8. *Media and cultural studies: keywords* / Ed. by M.G.Durham, D.Kellner. – Oxford, 2001.
9. *Corner J.* Television and culture: duties and pleasures // British cultural studies: geography, nationality, and identity / Ed. by D.Morley, K.Robins. Oxford, 2004.
10. *Бек У.* Что такое глобализация? Ошибки глобализма – ответы на глобализацию / Общ. ред. и послесл. А. Филиппова. – М., 2001.
11. *Бенхабиб С.* Притязания культуры: Равенство и разнообразие в глобальную эру / Под ред. В.Л. Иноземцева. – М., 2003. .
12. *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура. – М., 2000.
13. *Тромпенаарс Ф., Хамден-Тернер Ч.* Национальные различия в контексте глобального кризиса. – Минск, 2004.
14. *Хабермас Ю.* Моральное сознание и коммуникативное действие / Под ред. Д.В. Складнева. – СПб., 2001. .
15. *Лукьянчикова М.С.* О месте когнитивного компонента в структуре межкультурной коммуникации // Россия и Запад: диалог культур. – М., 2000. – Вып.8. Т.1.